

УДК 811.111-26

DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-65-70

Дурцева Е.Ю.*Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара)*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВЫХ РЕМИНИСЦЕНЦИЙ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются формы функционирования и виды текстовых реминисценций. Целью статьи является выведение структурной типологии текстовых реминисценций и описание форм их функционирования в текстах. Характеризуются функции, выполняемые реминисценциями в составе произведений. Статья ориентирована на то, чтобы показать, что благодаря реминисценциям текст связывается множеством ассоциаций с другими текстами и пронизан ими, подобно ткани, сотканной из многих нитей. Анализ проводится главным образом на материале английской литературно-художественной классики.

Ключевые слова: текстовая реминисценция, социокультурный стереотип, прецедентный текст, продуцент речи, реципиент речи.

Ye. Durtseva*Samara State Academy of Social Sciences and Humanities*

USING TEXT REMINISCENCES IN VERBAL COMMUNICATION

Abstract. The article contains a description of the types of text reminiscences and the forms of their functioning. The aim of the article is to work out a structural typology of text reminiscences and describe the ways of their usage in texts. The article also contains a characterization of functions performed by reminiscences in literary works. The article is aimed at proving the idea that a text is connected with other texts with a great number of associations in the cultural context; the text is penetrated by the associations like a cloth woven of numerous threads. The bulk of the material subjected to analysis is classical English literature.

Key words: text reminiscence, sociocultural stereotype, precedential text, speech producer, speech recipient.

Текстовые реминисценции представляют собой способ существования этносоциокультурных стереотипов вербальной коммуникации, проявление феномена интертекстуальности, набор схем, регулярно воспроизводимых в речи представителей лингвокультуры. Проблематикой прецедентных текстов занимались многие языковеды: И.Р. Багдасарова [1], Р. Барт

[2], В.Г. Костомаров [3], Н.Д. Бурвикова [3], М.В. Саблина [4], Г.Г. Слышкин [5], А.Е. Супрун [6], А.П. Клименко [7], Л.Н. Титова [7], Е.С. Темботова [8] и др.

Целью настоящей статьи является выведение структурной типологии текстовых реминисценций и описание форм их функционирования в текстах.

Вставки из прецедентных текстов – текстовые реминисценции – выпол-

няют в тексте разнообразные функции. Их происхождение гетерогенно, эмоционально-духовное содержание весьма неоднородно, их интерполяция в текст бывает явной или неявной.

В нашей работе принято следующее определение рассматриваемого феномена: **текстовые реминисценции** – это дословные или намеренно видоизменённые отрывки прецедентных текстов, вкрапленные в создаваемый текст и отсылающие читателя к прецедентным текстам. В качестве текстовых реминисценций могут служить прямые ссылки на прецедентный текст, а также цитаты, имена, афоризмы, крылатые выражения, намёки и вообще всё, что так или иначе указывает на связь данного текста с прецедентным текстом.

Стремление продуцента текста дополнить его отрывками из прочитанных прежде текстов или отсылками к ним, или, иными словами, текстовыми реминисценциями, можно обнаружить во всех текстовых жанрах. Как отметил А.Е. Супрун, текстовые реминисценции – это осознанные или непреднамеренные, точные или видоизменённые цитаты или иного рода аллюзии к ранее созданным и достаточно широко известным текстам в составе текста, созданного в более позднее время [6, с. 17].

Регулярность употребления текстовых реминисценций в вербальном общении, умение использовать их согласно поставленным целям коммуникации, количество и разнообразие текстов, которые составляют основу текстовых реминисценций, представляют собой важные показатели для оценивания субъекта как языковой личности. Не зря писатели в процессе

характеризации героя нередко принимают во внимание его речевые характеристики.

Значимость правильного использования текстовых реминисценций в тех или иных коммуникативных целях, как правило, хорошо представляют себе те авторы текстов, которые обладают широкой эрудицией и высокой культурной компетенцией.

Исходя из конструктивных идей, высказанных Г.Г. Слышкиным [5], мы пришли к убеждению о том, что реминисценции, основанные на аллюзии к концептам прецедентных текстов, должны отвечать ряду условий:

- 1) автор полагает, что читателю известен прецедентный текст;
- 2) читателю действительно известен этот текст;
- 3) автор преднамеренно создаёт аллюзию к этому тексту.

Другими словами, оперируя концептом прецедентного текста, автор более позднего текста учитывает широкую известность прецедентного текста и делает ставку на то, что читатель распознает реминисценцию в тексте и правильно поймёт её и её связь со смысловым посылом последующего текста.

Многочисленные речевые обороты из широко известных художественных произведений обрели устойчивость и превратились во фразеологические единицы; в сознании реципиентов во многих случаях оборвалась ассоциативная связь с исходным текстом. Таковы, например, английские фразеологизмы *a green-eyed monster* – *чудовище с зелёными глазами* ‘ревность’ (W. Shakespeare. *Othello* [14]), *to beard the lion in his den* – *дёрнуть за бороду льва в его собственном логове* ‘бросить вызов опасному противнику на его

территории' (W. Scott. Marmion [13]), *let's return to our mutttons* – вернёмся к нашим баранам 'вернёмся к теме разговора' (калька с франц. *revenons a nos toutions* из средневекового анонимного фарса «Адвокат Пьер Патлен»).

Если не соблюдается второе условие и реципиент неправомерно расценивает некоторый текст как прецедентный, может возникнуть коммуникативный сбой, поскольку фрагмент сообщения, базирующийся на отсылке к тексту, не воспринимается реципиентом или воспринимается неадекватно. Например, выражение *The Moor has done his work, so the Moor can go* (Мавр сделал своё дело, мавр может удалиться) из-за слова *Moor* (мавр), ассоциирующегося в первую очередь с Отелло, венецианским мавром, нередко воспринимается как реминисценция трагедии Шекспира "Othello, the Moore of Venice" («Отелло, венецианский мавр» [14]), тогда как в действительности оно восходит к драме Шиллера "Die Verschwörung des Fiesco zu Genua" («Заговор Фиеско в Генуе» [15]). Неверная отсылка обусловливает неверное толкование этого выражения.

Если не соблюдается третье условие (производитель речи не исходит из осведомлённости реципиента о прецедентном тексте), перед нами обычные текстовые реминисценции, базирующиеся на воспроизведении непрецедентных текстов. Их можно подразделить на три вида в зависимости от того, делает ли производитель речи прямую ссылку на прецедентный текст.

1) Текстовые реминисценции, снабжённые прямой ссылкой (25 % проанализированного материала), например:

Thomas Jefferson once said, "We should never judge a president by his age, only by

his works". And ever since he told me that, I stopped worrying (R. Reagan).

Томас Джефферсон однажды сказал: «Нельзя судить о президенте по его возрасту; только по его достижениям». С тех пор как я это узнал, я больше не испытываю беспокойства (Р. Рейган).

2) Текстовые реминисценции, рассчитанные на присущее эрудированному собеседнику интуитивное чувство аллюзии (43 % материала). Иногда реципиент в таких случаях делает запрос об источнике цитирования. Например:

'Great liars are also great magicians'.

'Sounds like a quotation'.

'You're right. It's from Mein Kampf' (T. Swift).

– Великие лжецы – к тому же великие чародеи.

– Звучит как цитата.

– Вы правы. Это из «Майн кампф».

3) Текстовые реминисценции,носящие характер намеренного плагиата или неосознанного цитирования (18 % материала). Они не задуманы производителем речи как реминисценции, но могут быть распознаны реципиентом как таковые. Например:

If you cannot understand my argument, and declare "It's Greek to me", you are quoting Shakespeare; if you claim to be more sinned against than sinning, you are quoting Shakespeare; if you recall your salad days, you are quoting Shakespeare (B. Levin).

Если вы не понимаете моих доводов и заявляете: «Это для меня китайская грамота», вы цитируете Шекспира; если вы утверждаете, что вы не столько грешник, сколько жертва чужих грехов, вы цитируете Шекспира; если вы вспоминаете своё молодозелено, вы цитируете Шекспира (Б. Левин).

Различные реминисценции, в виде которых прецедентные тексты функционируют в дискурсе, суть ассоциативные стимулы, оживляющие в сознании носителя языка концепты прецедентных текстов. Мы выделяем четыре вида реминисценций, служащих средством апелляции к концептам прецедентных текстов: упоминание, прямая цитация, квазицитация, продолжение.

Упоминание представляет собой прямую и непосредственную отсылку к прецедентному тексту. При этом указывается заглавие прецедентного текста. Например:

As stated in the Book of Revelation, he that hath an ear, let him hear (Sh. Shrinер).

Как сказано в Откровении, имеющих уши да слышат (Ш. Шрайнер).

В приведённом примере автор активирует в сознании читателей концепт прецедентного текста, отсылая читателей к этому тексту. Если читателям неизвестен исходный текст, отсылка указывает на него и стимулирует обращение к нему.

В ряде случаев в качестве аллюзии выступает не название исходного текста, а имя автора или главного героя. Приведём пример:

As Prophet Isaiah once said, all flesh is grass (L. Blake).

Как сказал пророк Исаия, всякая плоть – трава (Л. Блейк).

Прямая цитация нередко осуществляется в заглавиях произведений; тем самым заглавию придаётся символический смысл, оно получает дополнительный параметр семантической «глубины». Например:

– “Tender Is the Night” (*Ночь нежна*) Ф.С. Фицджеральда (цитата из Дж. Китса);

– “The Mirror Crack'd from Side to Side” (*Зеркало треснуло*) А. Кристи (цитата из А. Теннисона);

– “For Whom the Bell Tolls” (*По ком звонит колокол*) Э. Хемингуэя (цитата из Дж. Донна);

– “All Flesh is Grass” (*Всякая плоть – трава*) К. Саймака (цитата из Ветхого Завета, Книга пророка Исаии);

– “Put Off Thy Shoes” (*Сними обувь свою*) Э.Л. Войнич (цитата из Ветхого Завета, Исход);

– “Cabbages and Kings” (*Короли и капуста*) О. Генри (цитата из произв. Л. Кэрролла);

– “Cakes and Ale” (*Пирог и пиво*) У.С. Моэма (цитата из произв. У. Шекспира).

Квазицитация представляет собой намеренно видоизменённое цитирование оригинального текста с целью адаптировать цитату к новому контексту её употребления. Приведём примеры:

– *To marry or not to marry? That is the question* (Т. Bowerman).

Жениться или не жениться – вот в чём вопрос (Т. Бауэрман);

– *To eat or not to eat? That is the question* (E. Levine).

Есть или не есть – вот в чём вопрос (Е. Левин);

– *To beat or not to beat? That is the question* (H. Silver).

Бить или не бить – вот в чём вопрос (Х. Сильвер).

Квазицитация используется, в числе прочих мест, в разного рода названиях, заголовках, рубриках. Так, рубрика “That which we call a ...” (со сменой имени существительного) в журнале «Vogue», посвящённая рекламе различных модных предметов одежды и аксессуаров, является ква-

зицитатой из «Ромео и Джульетты»: “What’s in a name? That which we call a rose with any other name will smell as sweet” [14].

Создатель **продолжения** исходит из того, что реципиентам знаком исходный текст, они ориентируются в этом художественном мире, разбираются во взаимоотношениях персонажей, помнят первоначальный сюжет. Продюцент вторичного текста надеется, что его произведение будет «светить отражённым светом» исходного текста, популярного и любимого в читательской среде.

Наименование *продолжение* не означает, что в нём непременно излагаются события, которые следуют за событиями, описанными в первоисточнике. Излагаться могут и те события, которые предшествовали описанным в первоисточнике. В английской терминологии этим двум случаям соответствуют два термина: *sequel* и *prequel*.

Так, в романе Д. Джадда «Приключения Длинного Джона Сильвера» (D. Judd. “The Adventures of Long John Silver”) [10] и в романе Р. Дерделфилда «Приключения Бена Ганна» (R. Derdelfield. “The Adventures of Ben Gunn”) [9] изображается жизнь героев романа Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ» (R.L. Stevenson. “The Treasure Island”) [16] до событий, описанных в исходном романе Стивенсона.

Продолжение может освещать те же события, что и источник, но с иной точки зрения. Например, в пьесе Т. Стоппарда “Rosencrantz and Guildenstern Are Dead” («Розенкранц и Гильденстерн мертвы») [17] действие трагедии Шекспира показано глазами эпизодических шекспировских персонажей. Используя термин *про-*

должение, мы имеем в виду продолжение развития или переосмысление художественного мира другого текста, противопоставляя ему «творение» как создание собственного мира. Это не умаляет самостоятельной высокой художественной ценности некоторых продолжений – таких, как роман М. Твена “A Connecticut Yankee in King Arthur’s Court” («Янки из Коннектикута при дворе короля Артура») [19].

Продолжение нередко представляет собой реакцию на повышение популярности исходного текста в рамках данной культуры. Например, произведения И. Аллора, Дж. Альвидиса, В. Арчера, продолжившие эпопею Дж. Р. Толкиена “Lord of the Rings” («Властелин колец») [18], написаны в разгар толкиенистского бума.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что функции, выполняемые реминисценциями в тексте, определяют выбор типа реминисценции и её структуру.

Анализ функционирования реминисценций в речи подтверждает слова Р. Барта [2] о том, что всякий текст связан множеством ассоциаций с другими текстами и пронизан ими, подобно ткани, сотканной из многих нитей. Не случайно латинское слово *textus* имеет два взаимосвязанных значения: ‘плетение, ткань’ и ‘связное повествование, текст’.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Литература:

1. Багдасарова И.Р. Термин «реминисценция» в искусствознании (теория вопроса) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 130. С. 205–213.

2. Барт Р. Мифологии // Р. Барт. Семиотика. Поэтика. Избранные труды. М.: Прогресс, Универс, 1994. С. 50–135.
3. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Рус. язык за рубежом. 1994. № 1. С. 73–76.
4. Саблина М.В. К проблеме определения термина «цитата» и смежных с ним понятий // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. 2010. Т. 1. №1. С. 311–315.
5. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
6. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. М., 1995. № 6. С. 17–29.
7. Супрун А.Е., Клименко А.П., Титова Л.Н. Текстовые реминисценции в ассоциативном эксперименте // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Л., 27.05 1975). Ч. 1. М., 1975. С. 105–108.
8. Темботова Е.С. Цитирование как дискурсивная стратегия // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. №13. С. 170–173.
9. Delderfield, R.F. The Adventures of Ben Gunn. London: The Children's Book Club, 1996. 225 p.
10. Judd, D. The Adventures of Long John Silver. Corgi Children Publishers, 1978. 192 p.
11. Mitchell, M. Gone with the Wind. N.Y.: Pan Books, 2014. 989 p.
12. Ripley, A. Scarlett. Boston: Grand Central Publishing, 1998. 562 p.
13. Scott, W. Marmion. Philadelphia: Gutenberg Editions, 2005. 288 p.
14. Shakespeare, W. Five Tragedies: Hamlet, Othello, King Lear, Romeo and Juliet, Macbeth. N.Y.: Bantam Books, 1988. 897 p.
15. Schiller, F. Die Verschwörung des Fiesco zu Genua. Adamant Media Corporation, 2009. 256 p.
16. Stevenson, R.L. The Treasure Island. Geddes Publishers, 2009. 463 p.
17. Stoppard, T. Rozencrantz and Guildenstern Are Dead. Amsterdam; Toronto: Faber and Faber, 1973. 128 p.
18. Tolkien, G.R. Lord of the Rings. Part I. London: Houghton Mifflin, 2003. 655 p.
19. Twain, M. A Connecticut Yankee in King Arthur's Court. N.Y.: Bantam Books, 1983. 356 p.